ГОВОРИТ, КАК ПОЕТ...

Москва

Людмила Зыкина. «Путь к песне...». №№ 1, 2. 1975.

КОГДА четыре года назад издательство «Молодая гвардия» предложило мне написать книгу о творчестве Людмилы Зыкиной, начались частые наши встречи. Я приходила на концерты, ждала, когда утихнет громовая финальная овация. Но бесконечные щедрые бисы снова вызывали девятый вал аплодисментов, и, если наконец мне удавалось пробиться через кордон зрителей, ожидавших певицу после выступления, Людмила Георгиевна часто была уже не в силах беседовать. «Расскажи о себе, вспомни детство, юность», — просила я. А она говорила о другом и других. Даже в Опалихе, на даче, возле черных гряд, на скамье под старой березой она чаще делилась чьей-то заботой или пела вполголоса, чем рассказывала и вспоминала о себе и своем. Мы ходили в музеи, на выставки, консерваторские концерты, читали вместе зрительские письма, десятки, сотни, тысячи удивительных человеческих документов, которые вызвало к жизни ее искусство... Исповедальной беседы так и не было. Видимо, нужда в откровении полностью исчерпана прекрасным, доверчивым пением Зыкиной. Я поняла это тогда и снова подтвердила свою догадку после чтения книги самой Людмилы Георгиевны, опубликованной журналом «Москва».

И все-таки недаром книга эта названа исповедально «Путь к песне...». Зыкина рассказывает здесь о далеких и близких друзьях, о наставниках, о великих артистах, поэтах, композиторах, хормейстерах, о встречах со слушателями, советскими и зарубежными. Она высказывает мнения о певческом репертуаре, о театре песни как особом зрелищном жанре. Спорит. Защищает. Шутит. Советует. Только дальним краем касается ее повествование поразительных фактов собственной биографии, этой общеизвестной, типической и уникальной биографии таланта. Страницы жизни немногочисленны, строгая речь автора сдержанна здесь чрезвычайно. Отчего же тебя не покидает ощущение какого-то особенного двустороннего разговора по душам во время чтения?

Зыкина пишет о Руслановой, восхищается ее редкостным и радостным даром и вдруг вспоминает, с чего начала Лидия Андреевна: «Девочкой пела она в церкви; старая плакальщица захворала, и ей пришлось петь над гробом». И дальше есть фраза: «Она никогда не плакала на сцене».

Зыкина рассказывает об Анне Васильевне Рудневой, любимой своей наставнице, профессоре консерватории. И замечает: «Она... научила... прежде всего петь тихо».

Зыкина вспоминает свою бабку-песельницу — Василису: «Когда умер дед... она запела вдруг высоко, скорбно и протяжно. Я дернула ее за сарафан: «Ты что, бабаня?..». «Песня, Милуша, лечит всякую тоску-печаль...»

Зыкина толкует советы Ольги Ковалевой: «Послушай больших актеров. Иногда они шепотом говорят, а в ушах гром отдается...» Цитирует фразу Александры Прокошиной: «Пой, как говоришь».

На какой же странице вдруг настигает тебя понимание той удивительной формы скрытой исповеди перед читателем, которую нашла Людмила Георгиевна: да ведь она **говорит, как поет** — о других и, значит, о себе. Возможно, и эта литературная форма (как формирование характера Зыкиной) рождена процессом ее воспитания среди людей, в ощущении товарищеского локтя: хор, коллектив вывел Зыкину на сольную сцену. «Хор, — говорит она, — школа познания русской песни и секретов ее исполнения». И это не только ощущение природы певческого искусства, гораздо шире — мироощущение. Страна, земля, великая общность людей — хор.

Зыкина называет **сестрами** русскую народную и современную советскую песни. **«Старшая, умудренная опытом, много повидавшая на своем веку, и младшая, ощущающая на себе... взгляд старшей».** Женственное, семейственное, но какое точное по стилю и сути сравнение. Оно — стержень размышлений выдающейся певицы о нынешнем песнетворчестве, размышлений, в которых многое найдут для себя и композиторы, и исполнители, и поэты, и мы, читатели-слушатели. Размышлений требовательных, глубоких и гордых, иногда гневных и острых.

Журнальный вариант книги «Путь к песне...» краток. Зная ее целиком, могу представить, какой читательский успех ждет будущее издание «Советской России». Но и в журнальной версии книга Людмилы Георгиевны оставляет в душе те же чувства, что и ее пение. Кажется — подышал родным простором. Постоял на высоком есенинском берегу, у которого течет полноводная песенная река. «Как Ока в полях, — с извилинами да с загонами».

Александра ПИСТУНОВА

Литер. Россия" №12, 21 мар. 1975 г.